КЛАССИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Йозеф Алоиз ШУМПЕТЕР *

МАРКС – СОЦИОЛОГ[1]

Теперь нам надо сделать то, против чего стали бы протестовать все правоверные марксисты. Ведь они отвергают любое применение трезвого анализа к тому, что для них является просто светочем истины. Особенно сильно они стали бы протестовать против дробления наследия Маркса на отдельные части и последовательного их обсуждения. Они стали бы говорить, что самый этот акт обнаруживает неспособность буржуазии понять великолепие целого, все части которого дополняют и объясняют друг друга, так что истинное значение этого целого исчезает, как только одна его часть или аспект рассматривается обособленно. Однако у нас нет выбора. Совершив преступление и рассматривая Маркса как социолога, я вовсе не отрицаю ни наличия в работе Маркса цельности социального видения, которое обеспечило в известной мере аналитическую цельность и в еще большей степени видимость такой цельности, ни того факта, что каждая ее часть, хотя и внутренне независимая, была увязана автором со всеми другими. Тем не менее каждая часть этого обширного целого сохранила достаточно самостоятельности, что позволяет исследователю признать плодотворной одну из них, отвергая другие. Многое от величия веры теряется при подобной процедуре, но кое-что удается и выиграть, спасая важное и стимулируя поиски истины, что само по себе принесло бы больше пользы, чем в том случае, если бы она погибла вместе с крушением целого.

Это относится прежде всего к Марксовой философии, которую мы можем отринуть раз и навсегда. Получив образование в Германии и имея склонность к теоретическим размышлениям, он

---

* Йозейф Алоиз Шумпетер (1883 – 1950) – австрийский экономист и социолог. Впервые поставил вопрос об исторической судьбе капиталистического рыночного хозяйства. Исследовал капитализм как систему во взаимосвязи экономических, политических и социокультурных факторов. Идеи Шумпетера актуальны в изучении демократии как общественного феномена, предпринимательства как социального явления.

[1] Печатается по: *Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм, демократия (1942 г.) / Пер. с англ. В.С. Автономова, Л.А. Громова и др. М., 1995. С. 39–54. Материал подготовлен доктором социологических наук, профессором Л.Д. Чернышовой.

имел основательные знания в области философии и питал к ней страстный интерес. Чистая философия германского типа была его началом, его юношеской любовью. В течение некоторого времени он даже полагал, что это его истинное призвание. Он был неогегельянцем, что означает примерно следующее: признавая фундаментальные положения и методы своего учителя, он и его группа устраняли и заменяли на противоположные те консервативные элементы, которые были внесены в гегелевскую философию многими из других его приверженцев. Этот философский фундамент обнаруживается во всех его произведениях, где только появляется такая возможность. Не удивительно, что его немецкие и русские читатели – по аналогичной склонности и в силу схожего образования – ухватились прежде всего за эти аспекты его учения, сделав их ключевыми для всей системы.

Я же полагаю, что это было ошибочным и несправедливым по отношению к научным возможностям Маркса. Он сохранял свою раннюю любовь на протяжении всей своей жизни. Ему доставляли удовольствие те формальные аналогии, которые можно было обнаружить между его аргументацией и гегельянской. Ему нравилось подтверждать свое гегельянство и использовать гегельянскую фразеологию. Но это в общем-то и все. Нигде не изменял он позитивной науке ради метафизики. Именно об этом он говорит сам в предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала»; то, что он там говорит, действительно верно, а его самообман не подтверждается анализом его аргументации, которая всюду опирается на факты социальной действительности и на исходные предпосылки, ни одна из которых не является собственно философской. Конечно, те комментаторы или критики, которые сами шли от философии, не могли поступать так же, поскольку мало что смыслили в общественных науках. К тому же склонность Маркса к построению философских систем отвращала их от любой интерпретации, кроме той, что выводит все его учение из философских принципов. В итоге они усматривали философию в самых обычных утверждениях Маркса, касающихся экономической действительности, направляя тем самым дискуссию по ложному следу и сбивая с толку одновременно и друзей, и врагов.

Инструментарий Маркса как социолога заключался в первую очередь в овладении обширным историческим и современным фактическим материалом. Знание последнего было у него всегда немного устаревшим, поскольку он был самым книжным из людей,

и потому материалы фундаментальных исследований в отличие от газетных долго ждали своей очереди и всегда доходили до него с опозданием. Однако едва ли существовало хоть сколько-нибудь значительное по своему содержанию и посвященное общим вопросам историческое исследование его времени, которое бы ускользнуло от его внимания, хотя эта участь постигла значительную часть монографической литературы по отдельным проблемам. И хотя мы не можем превозносить полноту его информации в области истории в той же степени, в какой это касается его эрудиции в сфере экономической теории, тем не менее он мог иллюстрировать свою социальную концепцию не только масштабными историческими фресками, но и многими деталями, достоверность которых была скорее выше, чем ниже, среднего уровня социологических исследований его времени. Взгляд Маркса, охватывая разом эти факты, проникал через случайную нерегулярность поверхностных явлений и устремлялся вглубь – к грандиозной логике исторического процесса. Здесь страстность сочеталась с аналитическим порывом. Итог его попытки сформулировать эту логику, так называемая «экономическая интерпретация истории»* несомненно, является одним из величайших открытий современной социологии, совершенных каким-либо исследователем. В свете этого не имеет значения, является ли это открытие полностью оригинальным и в какой мере следует отдать должное предшественникам – немцам и французам.

Экономическая интерпретация истории *не означает,* что люди сознательно или бессознательно, полностью или в первую очередь руководствуются экономическими мотивами. Напротив, объяснение роли и механизма неэкономических мотивов и анализ того, как социальная реальность отражается в индивидуальной психике, являются существенным элементом теории и одним из самых важных ее достижений. Маркс не считал, что религия, философия, разные направления искусства, этические идеи и политические устремления могут быть сведены к экономическим *мотивам* и не имеют самостоятельного значения. Он лишь стремился вскрыть экономические *условия,* которые, формируют их и которые обусловливают их взлет и падение. Вся система фактов и аргументов

---

* Впервые опубликована в связи с его уничтожающей критикой «Философии нищеты» Прудона в работе, названной «Нищета философии» (1847). Другая версия была включена в «Коммунистический манифест» (1848).

Макса Вебера[1] отлично вписывается в систему Маркса. Конечно, больше всего его интересовали социальные группы и классы и способ, каким эти группы или классы объясняют себе свое собственное существование, место в обществе и поведение. Он изливал свой самый яростный гнев на тех историков, которые брали эти представления и их словесное выражение (т. е. идеологию, или, как сказал бы Парето, *деривацию*) в буквальном значении и пытались с их помощью объяснить социальную реальность. Но хотя идеи и ценности не были для него главным двигателем социального процесса, он не считал их и пустым звуком. Если использовать аналогию, то в его социальной машине они играют роль приводных ремней. Мы не можем рассматривать здесь наиболее интересное послевоенное направление, развивающее эти принципы анализа и лучше всего объясняющее данное явление, а именно «социологию знания»[2*]. Но об этом надо было сказать, поскольку Маркса в этом плане постоянно интерпретируют неверно. Даже его друг Энгельс у открытой могилы Маркса так изобразил эту его теорию, будто индивиды и группы подвержены воздействию главным образом экономических мотивов, что в некоторых важных аспектах неверно, а в остальном, к сожалению, тривиально.

Говоря об этом, нам следует защитить Маркса и от другого недоразумения: *экономическую* интерпретацию истории часто называют *материалистической* интерпретацией. Так было сказано самим Марксом. Эта фраза чрезвычайно увеличила популярность данной концепции у одних и непопулярность у других. На самом деле она абсолютно бессмысленна. Философия Маркса не более материалистична, чем философия Гегеля, а его историческая теория не более материалистична, чем любая другая попытка объяснить исторический процесс средствами, имеющимися в распоряжении эмпирических наук. Следует понять, что логически это совместимо с любой метафизической или религиозной верой – точно так же, как последняя совместима с любой физической кар-

[1] Вышесказанное относится к веберовскому исследованию социологии религии и в особенности к его знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма», переизданной в его собрании сочинений (см.: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 61–272).

* Немецкий термин – Wissensoziologie. Лучшие авторы, достойные упоминания, – это Макс Шелер и Карл Маннгейм. Статья последнего в Немецком социологическом словаре (Wandworterbuch der Soziologie) может служить введением в тему.

тиной мира. Средневековая теология сама дает методы, с помощью которых можно обосновать подобную совместимость*.

То, о чем на самом деле говорит эта теория, можно свести к двум положениям: (1) формы или условия производства являются базисными детерминантами социальных структур, которые в свою очередь определяют оценки людей, их поведение, типы цивилизаций. Маркс иллюстрирует это своим знаменитым утверждением, что «ручная мельница» создает феодальное, а «паровая мельница» – капиталистическое общество. Здесь подчеркивание важности технологического элемента доводится до опасных пределов, но с этим можно согласиться при условии, что технология – это далеко не все. Немного упрощая и признавая, что при этом многое из существенного утрачивается, можно сказать, что именно наш повседневный труд формирует наше сознание; наше место в производственном процессе – это как раз то, что определяет наш взгляд на вещи – или ту сторону явления, которую мы выделяем, – и то социальное окружение, в котором находится каждый из нас. (2) Сами формы производства имеют собственную логику развития, т. е. они меняются в соответствии с внутренне присущей им необходимостью, так что то, что является им на смену, есть исключительно следствие их собственного функционирования. Проиллюстрировать можно тем же примером Маркса: система, характеризовавшаяся применением «ручной мельницы», создает такие экономические и социальные институты, которые делают неизбежным использование механических методов помола, и эту неизбежность ни индивиды, ни группы не в состоянии изменить. Распространение и работа паровой мельницы в свою очередь порождают новые социальные функции и места размещения производства, новые группы и взгляды, которые развиваются и взаимодействуют таким образом, что перерастают собственные рамки. В итоге мы имеем тот двигатель, который в первую очередь обусловливает экономические, а вследствие этого и все прочие социальные изменения, двигатель, работа которого сама по себе не требует никакого внешнего воздействия.

Оба положения, несомненно, содержат значительную долю правды и являются, как мы увидим впоследствии, бесценной рабочей гипотезой. Большинство существующих возражений аб-

* Я встречал немало радикалов – католиков, среди них одного священника, и все они, будучи правоверными католиками, придерживались этой точки зрения и фактически провозглашали себя марксистами во всем, кроме вопросов, относящихся к их вере.

солютно несостоятельны, в частности те, которые в качестве опровержения указывают на влияние этических или религиозных факторов; или такое, с которым выступил Эдуард Бернштейн, последний с восхитительной простотой утверждает, что «люди имеют голову на плечах» и, следовательно, действуют так, как им заблагорассудится. После всего, что было сказано выше, едва ли необходимо подробно останавливаться на слабостях подобных аргументов: конечно, люди «выбирают» свой образ действий, который непосредственно не навязывается им объективными условиями окружающей среды; но они выбирают, исходя из таких позиций, оценок и склонностей, которые не только не принадлежат к числу независимых переменных, но сами формируются под влиянием объективных факторов. Тем не менее возникает вопрос: не является ли экономическая интерпретация истории всего лишь удобной аппроксимацией, которая в одних случаях работает менее удовлетворительно, чем в, других. Очевидное уточнение следует внести с самого начала. Социальные структуры, социальные типы и взгляды, подобно монетам, не стираются быстро. Однажды возникнув, они могут существовать столетиями, а поскольку разные структуры и типы обнаруживают различные способности к выживанию, мы почти всегда обнаруживаем, что фактически существующие группы и реальное национальное поведение более или менее отклоняются от того, какими им следовало быть, если бы мы попытались вывести их из господствующих форм производственного процесса. Хотя это имеет место повсюду, особенно наглядно это видно, когда в высшей степени устойчивая структура полностью переносится из одной страны в другую. Общественная ситуация, возникшая в Сицилии в результате норманнского завоевания, может служить иллюстрацией того, что я имею в виду. Подобные факты Маркс не игнорировал, но вряд ли представлял все их значение.

Еще более пагубную роль играют следующие обстоятельства, схожие с только что упомянутыми. Рассмотрим возникновение феодального типа землевладения в Королевстве франков в шестом – седьмом столетиях. Наверняка это было самым важным явлением, которое сформировало общественную структуру на многие века *и в то же время оказало влияние на условия производства, включая потребности и технологию.*

Но самое простое объяснение его возникновения можно найти в функции военного лидерства, ранее выполнявшейся отдельными семьями или индивидами, которые (сохраняя эту функцию)

становились после окончательного завоевания новой территории феодальными ленд-лордами. Подобное объяснение совсем не укладывается в Марксову схему и легко может быть истолковано противоположным образом. Факты подобного рода, несомненно, можно включить в общую теорию с помощью вспомогательных гипотез, однако необходимость включения подобных гипотез обычно означает начало конца самой теории.

Многие другие трудности, возникающие при попытках исторической интерпретации на основе Марксовой схемы, могут быть преодолены, если признать некоторую степень взаимодействия между сферой производства и прочими сферами общественной жизни*. Однако чары, окружающие фундаментальную истину, зависят как раз от точности и простоты утверждаемого ею одностороннего отношения. Если же оно ставится под вопрос, то экономическая интерпретация истории должна будет занять свое место среди прочих теорий такого же рода – в качестве одной из многих частичных истин – или уступить дорогу другой, способной возвестить более фундаментальную истину. Однако ни ее ранг в качестве научного открытия, ни ее операбельность в качестве рабочей гипотезы от этого не страдают.

Конечно, для правоверного марксиста эта концепция представляет собой универсальный ключ ко всем секретам человеческой истории. И хотя временами такой наивный способ ее применения вызывает улыбку, нам не следует забывать, какие концепции она заменила. Даже убогая сестра экономической интерпретации истории – Марксова «теория общественных классов» – выступает в более благоприятном свете, как только мы вспоминаем об этом.

В первую очередь следует подчеркнуть научное значение этой теории. Экономисты удивительно запоздали с признанием феномена общественных классов. Конечно, они всегда классифицировали экономических субъектов, взаимодействие которых порождало изучаемые ими процессы. Но эти классы представляли собой лишь совокупности индивидов, обнаруживающих некоторые общие черты: так, отдельные индивиды классифицировались как землевладельцы или рабочие, поскольку они владели землей или продавали услуги своего труда. Однако общественные классы не являются порождением классифицирующего наблюдателя,

* На склоне жизни Энгельс это признал открыто, Плеханов же пошел еще дальше в этом направлении.

это – живые организмы, существующие сами по себе. Их существование вызывает последствия, которые полностью игнорируются схемой, рассматривающей общество как аморфную совокупность, индивидов или семей. С точки зрения чистой экономической теории вопрос о значении феномена общественных классов остается открытым. То, что он имеет очень большое значение с точки зрения практической жизни, а также для всех более широких аспектов социального процесса в целом, не вызывает никаких сомнений.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что общественные классы совершили свой торжественный выход на сцену благодаря известному тезису, содержащемуся в «Коммунистическом манифесте», согласно которому история общества есть история классовой борьбы. Конечно, это сильное преувеличение. Но даже если ослабить этот тезис до предположения о том, что исторические события нередко можно объяснить на основе классовых интересов и классовых позиций и что существующие классовые структуры всегда важны как фактор исторической интерпретации, – этого достаточно, чтобы иметь основание говорить о концепции столь же ценной, как и сама экономическая интерпретация истории.

Очевидно, успех этого направления анализа, исходным пунктом которого является принцип классовой борьбы, зависит от верности выбранной нами теории классов. Наша картина истории, вся наша интерпретация культурных форм и механизма общественных изменений будет изменяться в зависимости от того, изберем ли мы, к примеру, расовую теорию классов и подобно Гобино (Gobineau) сведем человеческую историю к истории борьбы рас или, скажем, основанную на разделении труда теорию классов в духе Шмоллера или Дюркгейма и сведем классовые антагонизмы к антагонистическим интересам профессиональных групп. Разница точек зрения может объясняться не только различными определениями классов.

Какую бы точку зрения мы ни приняли в этом вопросе, мы все равно будем иметь различные интерпретации в зависимости от определения классового интереса* и представления о том, в чем

---

* Читателю надо понять, что любая концепция классов и их происхождения вовсе не однозначно определяет, каковы интересы этих классов и как каждый из них будет действовать, преследуя то, что в представлении и ощущении его вождей и рядовых членов в долгосрочной или краткосрочной перспективе верно или ошибочно считается его интересами. Проблема группового интереса полна собственных преград и ловушек совершенно независимо от природы тех групп, которые мы исследуем.

выражаются сами классовые действия. Эта тема по сей день полна предрассудков и вряд ли находится на стадии научного исследования.

Довольно любопытно, что Маркс, – насколько нам известно, – никогда последовательно не разрабатывал того, что совершенно очевидно являлось одним из центральных пунктов его теории. Возможно потому, что он откладывал эту работу так долго, что уже было поздно этим заниматься, а скорее потому, что его мышление настолько естественно оперировало концепцией классов, что он вовсе не чувствовал необходимости ее точного определения. Вполне возможно, что отдельные ее моменты в его собственном сознании оставались непроясненными; а путь ко всеобъемлющей теории классов преграждали созданные им самим трудности, а именно упор на чисто экономическую и сверхупрощенную трактовку этого феномена.

И сам Маркс, и его последователи применяли эту недостаточно разработанную теорию к отдельным случаям; из них самым выдающимся примером является его собственная работа «Классовая борьба во Франции»*. Кроме этого никакого реального прогресса достигнуто не было. Теория его главного соратника Энгельса была по сути своей немарксистской разновидностью теории, выводящей классы из разделения труда. За исключением этого мы имеем лишь отдельные и мимолетные проблески – некоторые из них потрясающей силы и яркости, – которые разбросаны по всем произведениям мастера, особенно в «Капитале» и «Коммунистическом манифесте».

Задача сведения воедино этих фрагментов является весьма сложной, и мы не можем ее здесь осуществить. Однако главная идея достаточно ясна. Разделение общества на классы основывается на собственности или отстранении от собственности на средства производства – такие, как фабричные здания, оборудование, сырье и потребительские товары, которые входят в потребление рабочих. Мы имеем поэтому в принципе только два класса – соб-

---

* Другим примером является социалистическая теория империализма, на которой мы остановимся ниже. Интересная попытка О. Бауэра антагонизм между различными расами, населявшими Австро-Венгерскую империю, интерпретировать на основе классовой борьбы между капиталистами и рабочими (Die Nationalitatenfrage, 1905) также заслуживает упоминания, хотя искусство аналитика лишь подтверждает неадекватность этого инструмента анализа.

ственников, капиталистов, и неимущих, вынужденных продавать свой труд, т. е. рабочий класс, или пролетариат. Существование промежуточных групп – таких, как фермеры или ремесленники, которые нанимают труд и в то же время занимаются физической работой, служащие, лица свободных профессий, – конечно, не отрицается; но они рассматриваются как отклонения, которые постепенно исчезнут в ходе капиталистического развития. Эти два основных класса в соответствии с логикой их положения и совершенно независимо от желаний их отдельных представителей являются глубокими антагонистами. Раскол внутри класса и столкновение между отдельными подгруппами случаются и даже способны иметь исторически важное значение. Но в конечном счете подобные расколы и коллизии преходящи. Единственный антагонизм, который не носит преходящего характера и встроен в основу капиталистического общества, коренится в частном контроле над средствами производства, а потому отношение между капиталистическим классом и пролетариатом по природе своей – это борьба, война классов.

Далее, как мы увидим, Маркс пытается показать, что в этой классовой борьбе капиталисты уничтожают друг друга, а заодно уничтожают и капиталистическую систему. Он старается также показать, как собственность на капитал ведет ко все большему его накоплению. Но эта линия доказательства, так же как и само определение, делающее собственность конституирующей характеристикой общественного класса, только усиливает важность проблемы первоначального накопления, т.е. проблемы того, как капиталисты становятся капиталистами в самом начале и приобретают тот запас товаров, который согласно Марксовой доктрине необходим для того, чтобы дать им возможность начать эксплуатацию. На этот вопрос Маркс отвечает гораздо менее ясно[1]. Он презрительно отвергает буржуазную сказочку (Kinderfiebel) о том, что некоторые люди стали и становятся капиталистами благодаря большим умственным способностям и энергии, проявляемым в работе и сбережении. Он намеренно глумился над этой историей о хороших мальчиках, потому что нет лучшего способа дискредитировать неудобную правду, – и это знают все политики, – как поднять ее на смех.

Те же, кто изучает историю и современность без предубеждений, не могут не обратить внимания на то, что эта сказочка, хотя и

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 725–773.

не говорит всей правды, все же многое раскрывает. В девяти случаях из десяти экономический успех, в особенности при *основании* промышленного предприятия, действительно обязан незаурядным умственным способностям и энергии. Как раз в начальной стадии капитализма в целом и каждой индивидуальной карьеры в отдельности сбережения были и остаются важным элементом процесса, хотя и не в том смысле, как считала классическая экономическая теория. Действительно, стать капиталистом (промышленником – нанимателем рабочей силы) путем сбережений из заработной платы или жалованья, чтобы основать собственную фабрику с помощью накопленного таким образом фонда, чрезвычайно трудно. Источником большей части накоплений являются прибыли, следовательно, накопление предполагает прибыль, и это *разумная* причина для того, чтобы отличать сбережение от накопления. Необходимые для основания предприятия средства можно обеспечить либо взяв взаймы сбережения других лиц, наличие которых в виде мелких сумм легко объяснить, либо с помощью депозитов, которые создаются банками для будущего предпринимателя. Как бы то ни было, последний сберегает почти всегда: сбережения нужны ему для того, чтобы подняться над необходимостью ежедневной рутинной работы ради куска хлеба, обеспечить жизненное пространство, чтобы оглядеться вокруг, осуществить свои планы, войти в кооперацию с другими. Следовательно, с точки зрения экономической теории у Маркса было реальное основание – хотя он и преувеличил его значение для того, чтобы отрицать ту роль сбережений, которую им приписывали классики. Однако его собственный вывод отсюда никак не вытекает, так что смех здесь вряд ли уместен*.

Насмешки, однако, сделали свое дело и помогли расчистить путь для альтернативной теории первоначального накопления

---

* Я не собираюсь останавливаться на этом, но хотел бы упомянуть, что даже классическая теория не так уж неверна, как об этом писал Маркс. «Сбережение» в самом буквальном смысле этого слова было, особенно на ранних стадиях капитализма, отнюдь не второстепенным методом «первоначального накопления». Кроме того, существовал и другой метод, родственный этому, но не идентичный ему. Многие фабрики в семнадцатом и восемнадцатом столетиях представляли собой всего лишь навес, под которым человек, работавший вручную, мог укрыться, и требовали простейшего оборудования. В этих случаях физический труд будущего капиталиста и совсем небольшой фонд сбережений – необходимое для создания предприятия, если не считать, разумеется, головы на плечах.

Маркса. Эта альтернативная теория сформулирована не столь определенно, как нам бы хотелось. Насилие, ограбление, подчинение народных масс, усугубляющие их отделение от собственности, и как результат – еще большее ограбление, усиливающее подчинение, – конечно все это звучало хорошо и замечательно совпадало с идеями, распространенными среди интеллектуалов всех мастей, причем в наши дни еще сильней, чем во времена Маркса. Но очевидно, это не решает проблему, состоящую в том, чтобы объяснить, как некоторые люди приобретают такую власть, чтобы подчинять и грабить других. Популярную литературу это не тревожит, и я не собираюсь адресовать этот вопрос произведениям Джона Рида. Но мы имеем дело с Марксом.

По крайней мере, некоторое подобие решения можно получить благодаря историзму всех основных теорий Маркса. По его мнению, тот исторический *факт,* что капитализм вырастает из феодального общества, имеет существенное значение для *логики* его развития. Конечно, и в этом случае встает тот же самый вопрос о причинах и механизме социальной стратификации. Но Маркс по существу принимает буржуазную точку зрения, согласно которой феодализм был царством насилия*, в котором подчинение и эксплуатация народных масс были уже свершившимся фактом. Классовая теория, приспособленная главным образом к условиям капиталистического общества, была распространена на его феодального предшественника, так же как и многое из концептуального аппарата экономической теории капитализма**; при этом некоторые из самых щекотливых проблем были просто перенесены на феодальную территорию, с тем чтобы появиться вновь уже в готовой форме, в виде исходных данных, при анализе капиталистической системы.

Феодальный эксплуататор был просто заменен эксплуататором капиталистическим. В тех случаях, когда феодальные земле-

---

* У многих писателей-социалистов, помимо Маркса, обнаруживается та же некритическая вера в познавательную ценность таких категории, как сила и контроль над физическими средствами применения силы. Фердинанд Лассаль, например, в качестве объяснения государственной власти не мог предложить ничего иного, кроме пушек и штыков. У меня всегда вызывало удивление, что столь многие люди были слепы к слабостям подобной социологии и не понимали, что гораздо вернее сказать, что именно власть дает контроль над пушками (и людьми, жаждущими использовать их), чем утверждать, что контроль над пушками порождает власть.

** В этом учение Маркса сближается с учением К. Родбертуса.

владельцы действительно превращались в промышленников, это могло служить решением проблемы. История дает немало подтверждений верности подобной точки зрения: многие помещики, особенно в Германии, действительно строили фабрики и управляли ими, нередко используя в качестве финансовых источников свою феодальную ренту, а в качестве рабочей силы – сельскохозяйственное население (не обязательно крепостных, но иногда и их)*. Во всех других случаях марксистская теория первоначального накопления не согласуется с имеющимися фактами. Единственно честный способ выйти из этого положения – заявить, что с марксистской точки зрения удовлетворительного объяснения этого процесса нет; иными словами, сказать, что мы не можем объяснить первоначальное накопление, не обратившись к немарксистским концепциям, порождающим в свою очередь немарксистские выводы**.

Это, однако, опровергает марксистскую теорию как в историческом, так и в логическом аспекте. Поскольку большая часть методов первоначального накопления определяет и последующее накопление, – первоначальное накопление как таковое продолжается в течение всей эры капитализма, – то мы не можем утверждать, чтобы Марксова теория общественных классов в полном порядке, *если не считать* тех трудностей, с которыми она сталкивается, когда речь идет об отдаленном прошлом. Но, видимо, нет смысла говорить об отдельных недостатках теории, которая даже в самых благоприятных случаях не доходит сколь-нибудь близко до сути тех явлений, которые она стремится объяснить, и которую никогда не следовало принимать всерьез. Эти благоприятные случаи можно найти главным образом в тот период развития капитализма, который определялся преобладанием предприятий среднего

---

* В. Зомбарт в первом издании своей «Теории современного капитализма» пытался возвести такие случаи в принцип. Однако его попытка обосновать теорию первоначального накопления исключительно накоплением земельной ренты оказалась безуспешной, что в конце концов признал и сам Зомбарт.

** Этот вывод будет справедливым, даже если отвести максимально возможное значение грабежу (разумеется, не принимая на веру откровенный вымысел). Ограбления нередко вносили свой вклад в создание торгового капитала. Богатство финикийцев и англичан – знакомые примеры. Но даже и тогда Марксова теория недостаточна, ибо в конечном счете успешное ограбление должно основываться на личном превосходстве грабителя. И как только мы это признали, сразу появляется совершенно иная теория социальной стратификации.

размера, принадлежавших отдельным собственникам и управлявшихся ими. За пределами этого общественного слоя классовые позиции, хотя, как правило, и отражались в более или менее соответствующем экономическом положении, скорее были причиной, чем следствием, последнего: экономический успех, очевидно, не всегда является единственным путем к социальному возвышению, но только там, где это становится возможным, собственность на средства производства однозначно определяет позицию данной группы в общественной структуре. Но даже тогда считать собственность определяющим элементом столь же правомерно, как называть солдатом человека, которому удалось заполучить ружье. Жесткое деление, при котором одни (вместе со своими наследниками) якобы навсегда остаются капиталистами, а другие (тоже вместе с их наследниками) навсегда остаются пролетариями, не только, как уже неоднократно указывалось, нереалистично: при этом упускается из виду решающий момент, касающийся формирования общественного класса, – непрерывное перемещение отдельных семей в верхние слои и одновременное непрерывное выпадение из них других семей. Факты, о которых я говорю, очевидны и неоспоримы. И если они не упоминаются в марксистской схеме, то причина всего лишь в том, что они противоречат марксистской теории общественных классов.

Нелишне, однако, рассмотреть, какую роль играет эта теория в рамках общей теоретической системы Маркса, задав себе вопрос об аналитических целях, которым она должна была служить, в отличие от использования ее в качестве части агитационного снаряжения.

С одной стороны, мы должны иметь в виду, что для Маркса теория общественных классов и экономическая интерпретация истории не были тем, чем они являются для нас, а именно двумя независимыми друг от друга доктринами. У Маркса первая связана со второй совершенно особым образом и поэтому ограничивает – делает более определенным – modus operandi* условий или форм производства. Эти последние определяют социальную структуру, а через социальную структуру – все формы цивилизации и все развитие культурной и политической истории. Сама же социальная структура для всех несоциалистических эпох определялась им в терминах классов – тех двух классов, которые являются подлинными участниками драмы и в то же время *прямыми* порождениями

* Способ действия *(лат.)*.

логики развития капиталистической системы производства, которая через них воздействует и на все остальное. Это объясняет, почему Маркс вынужден был определить свои классы как чисто экономический феномен, причем экономический в очень узком смысле слова. Тем самым он отрезал себе путь к более глубокому их анализу, но то место, на которое он поместил классы в своей аналитической схеме, не позволило ему сделать иного выбора.

С другой стороны, Маркс хотел определить капитализм на основе тех же характерных черт, что и деление общества на классы. Небольшое размышление должно убедить читателя, что подобная взаимосвязь не является ни неизбежной, ни естественной. На деле это было смелым ходом в аналитической стратегии, который связал судьбу феномена классов с судьбой капитализма таким образом, что социализм, который в действительности не имеет ничего общего ни с наличием, ни с отсутствием общественных классов, становится, по определению, единственным видом бесклассового общества, за исключением первобытного племени. Эту бесхитростную тавтологию нельзя было бы столь же удачно сформулировать, если выбрать какие-либо иные определения классов *и* капитализма, а не те, что избрал Маркс, а именно определения, основывающиеся на частной собственности на средства производства. Из Марксовых определений следовало, что в обществе должны существовать только два класса – имущие и неимущие, а все прочие принципы классового деления, причем гораздо более важные, игнорировались, недооценивались либо сводились к данному.

Преувеличение Марксом определенности и значимости разделительной линии между характеризуемым таким образом классом капиталистов и пролетариатом уступает по масштабам лишь его абсолютизации антагонизма между ними. Для любого ума, не извращенного привычкой перебирать марксистские четки, совершенно очевидно, что отношения классов в обычное время характеризуются прежде всего сотрудничеством и что любая теория противоположного характера должна базироваться преимущественно на патологических случаях.

В общественной жизни антагонизм и сотрудничество встречаются всюду и фактически неразделимы, за исключением редчайших случаев. Но я почти убежден, что в старой теории гармонии интересов было гораздо меньше полных нелепостей, – хотя и в ней их хватало, – чем в Марксовой конструкции, предполагающей непреодолимую пропасть между собственниками орудий труда и

теми, кто их применяет. Однако мы подчеркиваем еще раз: у него не было выбора не потому, что он стремился к революционным выводам, – последние могли быть получены с таким же успехом на основе дюжины других возможных схем, – а потому, что так требовал его собственный анализ. *Если* классовая борьба была решающим фактором исторического развития, а также способом приближения социалистического будущего и *если* предполагалось существование только этих двух классов, то их отношения обязаны были быть антагонистическими в принципе, в противном случае его теория социальной динамики утратила бы свою силу.

Далее. Хотя Маркс определяет капитализм социологически, т.е. на основе института частного контроля над средствами производства, механику функционирования капиталистического общества он объясняет с помощью своей экономической теории. Эта экономическая теория призвана показать, как социологические категории *класс, классовый интерес, классовое поведение, обмен между классами* проявляются через посредство экономических категорий – стоимости, прибыли, заработной платы, инвестиций и т. п. – и как они порождают такой экономический процесс, который в конце концов разрушает свою собственную институциональную структуру и в то же время создает условия для возникновения иного социального порядка. Эта особая теория общественных классов является тем аналитическим инструментом, который, соединяя экономическую интерпретацию истории с концепцией экономики, основанной на прибыли, определяет все общественные события, сводит воедино все явления. Следовательно, это не просто теория какого-то индивидуального явления, призванная объяснить именно это явление и больше ничего. Ее внутрисистемная функция в Марксовой системе в целом гораздо более важна, чем мера успеха, с которой она решает свою собственную задачу. Эту внутрисистемную функцию следует иметь в виду, если мы хотим понять, как исследователь такой силы, как Маркс, мог мириться с ее недостатками.

Всегда были и по-прежнему существуют энтузиасты, которые восхищались Марксовой теорией общественных классов как таковой. Но более понятны чувства тех, кто настолько восхищается силой и величием общей концепции, что готовы простить все недостатки ее составных частей. Мы постараемся дать свою собственную оценку (в гл. IV). Но сначала следует посмотреть, каким образом экономический механизм, описываемый Марксом, решает ту задачу, которая возложена на него общей концепцией.